

Александр ПОНОМАРЕВ

ЗАВИСИМОСТЬ

Р а с с к а з

Еще не погасли придорожные фонари, не рассеялся утренний туман возле реки, а автомобиль Александра Николаевича уже пересекал границу соседней области, неся его в направлении древнего города Тулы по служебной надобности. Навигатор в телефоне, приткнувшись возле приборной доски, бодрым голосом Гарика Харламова подсказывал Александру Николаевичу дорогу:

— Через триста метров направо, а потом... направо... Опя-а-ать все перекопали! Что они тут, золото ищут?

Время от времени умное устройство кряхтело и вздыхало, прозрачно намекая тем самым своему владельцу — вот фотки пришли с Машкиного выпускного, вот рецепт пирога с тилапией от тещи, вот новый анекдот от неугомонного Стасика, напоминание из стоматологии о записи на вечер, кредитное предложение от Сбера, еще подборка материалов по правоприменительной практике из адвокатской коллегии. Вот, вот, вот...

«Интересно, как же мы обходились раньше без всего этого? — удивлялся Александр Николаевич, глядя на мелькающие за окном вышки сотовой связи. — Сегодня телефон в каждом доме, точнее в каждом кармане, а то и несколько, если карманов много. И что? Казалось бы, мы сейчас намертво пришиты к своим абонентам из списка контактов, а одиноки, как никогда. Внимание, искренность, человечность куда-то подевались, и это несмотря на то что каждое утро друг другу открытки шлем. А еще лет тридцать-сорок тому назад телефон был вещью штучной, статусной, особенно в сельской местности. И при этом жили как-то, справлялись, ближе даже друг к другу были. В гости ходили каждый день. Не теряли своих из виду. Хотя порой и приходилось совершать для этого маленькие подвиги».

Александр Николаевич ухмыльнулся, вспомнив поездку на свою первую в жизни «картошку».

— Ну или большие...

В то осеннее утро Александр Николаевич — впрочем, тогда еще просто Санька — стоял в дверях своей квартиры, а его мать, чтобы

как-то снять нервное напряжение (отпускает кровиночку от себя в дали дальние), хлопотала, наполняя помещение хаотичными звуками и суматошными метаниями.

— Так, куртка... старые тренировочные штаны... — бормотала она, в который раз перебирая содержимое рюкзака. — Свитер! Когда будешь ложиться спать, свитер обязательно надевай. Заморозки, слышала, по ночам обещают. Наверняка там на отоплении экономят.

— Карты, карты не забудь! — вбросил свое веское слово отец, выглянув из ванной комнаты с клоком пены для бритья на ухе и полотенцем через плечо. — Куда ж на картошке без колоды карт? И еще, самое главное, — презервативы.

Мама отвернулась, чтобы сын не видел, как вспыхнуло ее бледное, напряженное лицо.

— Так, упаковка анальгина, йод, — продолжала перечислять она, словно не услышав отцовского замечания.

Санька тоже заметно нервничал (все-таки первое самостоятельное путешествие) и, чтобы не ударить в грязь лицом, изо всех сил старался напустить на себя вид человека бывалого и постоянно без повода сердился. Впрочем, самостоятельным его вояж можно было назвать с натяжкой: все-таки во главе их картофельного десанта стояла парочка преподавателей-раздолбаев, сплывленных руководством подальше от учебного процесса. Однако даже этот, казалось бы, утешительный факт не мог до конца заглушить навязчивый материнский инстинкт у Санькиной родительницы.

— Ну вот, вроде все. Как разместишься, сразу позвони, — напомнила мама, поправляя на сыне шарф. — Обязательно позвони! Не забудешь?

— Посмотрим, — буркнул Санька с кислой миной. Что было вполне объяснимо: почти совершеннолетний, а с ним разговаривают так, словно ему еще нет и четырнадцати.

— Не «посмотрим», а позвони! Буду ждать. Ты меня знаешь.

Еще бы Санька не знал! Для него эта всеобъемлющая материнская опека всю жизнь была настоящей пыткой. Вечно докладываться, быть на связи, чтобы мать, не дай бог, не разволновалась, не накрутила себя. У нее было слабое сердце, гипертония и богатое воображение. Если, к примеру, ты обещал вернуться в семь, то упаси тебя боже заявиться домой в четверть восьмого, потому что тогда у тебя есть все шансы попасть на собственные поминки и увидеть свое фото с траурной лентой наискосок. А если задержаться еще на полчаса, то можно прийти уже к поминкам по матери... Короче, прежде чем отлучиться, все просчитай, прохронометрируй, а дал слово — держи. Вот основной закон, по которому приходилось жить Саньке. У него даже повторяющийся ночной кошмар заключался в одной и той же сцене: он задержался где-то допоздна и внезапно осознает, что все мыслимые и немыслимые сроки возвращения в лоно семьи пропущены, метро не ходит, в такси не содуют, а пешком и до утра не добежишь. Санька паникует, представляя, как мать, уже на последнем издыхании, мечется между окном и телефоном, а квартира наполнена стойким амбре корвалола. Тогда он несется

к автомату, чтобы позвонить, предупредить. Но уличный таксофон только судорожно глотает двушки, и звонок каждый раз срывается...

В общем, свободы выбора у Саньки в этом вопросе не было. Придет-ся, хочешь не хочешь, звонить, как только обустроится на новом месте, и только после этого можно будет полной грудью вдохнуть пьянящий воздух свободы.

Санька успокаивающе положил руку на мамино плечо:

— Не беспокойся, ма. Куда ж я денусь...

Место сбора этой самой картошки оказалось не так уж и далеко от Москвы: каких-то километров сто, может сто пятьдесят от МКАД. Руководство института, где Санька учился уже на втором курсе, заключило с местным совхозом договор о сотрудничестве в уборке пасленовых. Впрочем, саму рабочую силу эти мутные производственные отношения мало беспокоили. Совхоз выделил в их полное студенческое распоряжение целый корпус пионерского лагеря, а в придачу к нему — актовый зал и футбольное поле. Отодвинуть учебу на пару недель, оттянуться на свежем воздухе с песнями под гитару, с трехразовой кормежкой, с проживанием в почти санаторных условиях — ради этого можно и помесить глину в полях, выдавая на-гора килограммов по триста корнеплодов за смену.

Отвоевав в комнате на четверых спальное место у окна и бросив туда свой рюкзак, Санька направился в здание администрации, рассчитывая, что оттуда можно позвонить домой. В кабинете с табличкой «Начальник лагеря» ему бросился в глаза заветный телефон.

«Ого, вот это я удачно зашел! Как говорится, первый выстрел — и в яблочко...»

— Эй-эй, ты куда?

Обернувшись, Санька наткнулся взглядом на гладенького, прилизанного мужичка в милицейском пиджаке без погон, орошавшего из клизмы хлорофитум на подоконнике, и резво отдернул руку от аппарата, словно получил ожог.

— Извините, не заметил. Мне бы домой позвонить. Срочно.

— Не выйдет, — покачал головой мужик, встав между Санькой и телефоном. — Ни срочно, ни по заказу. Нет связи у нас, да и не было никогда.

В ответ на Санькин удивленный взгляд начальник лагеря пояснил:

— В соседнюю Егнышевку звонить ходим. Там в сельсовете аппарат стоит. Три километра по шоссе. Да и чего болтать-то почем зря? — Он добавил строгости в голосе. — Болтун — находка для шпиона! Ты, кажется, работать сюда приехал? Вот и работай, трудись. Завтра после полутонны картошки вообще номер домашний забудешь.

— Разрешите поинтересоваться тогда, что это у вас на столе за штука такая? — произнес Санька не без сарказма. — С трубкой и диском посередине. Орехи ею колете, да?

— Тебя как зовут-то, парень?

— Саша.

— Вот что я тебе скажу, Саша... — Начальник положил Саньке руку на плечо. — Эта коробочка — не телефон. Бутафория. Сам посуди, ну что я за руководитель без служебного телефона? То-то. Только ты, пожалуйста, не говори об этом никому.

— Гениально! — Санька решил не тратить время на болтовню и перевел разговор в конструктивное русло: — В таком случае, где тут у вас автобусная остановка?

Теперь уже пришла очередь начальника смотреть на него с удивлением.

— Как тебе сказать... У нас тут повсюду остановка. Только останавливаться нечему. Ну да ладно. Завтра утром Матвеич, завхоз наш, на «козлик» в Алексин намылился. За инвентарем. Хочешь, с ним поезжай. Заодно и погрузить сможешь. Но это только если драндулет искру даст. Своенравный стал что-то. Одно слово — козел.

— Не, мне сегодня надо. У меня мать к утру с ума уже может сойти.

— Ну, смотри сам. Может, повезет — попутку встретишь. Хотя... — начальник вскинул руку и бросил короткий взгляд на запястье, — ...сегодня уже вряд ли.

По большому счету, он был прав. Автомобилей, как и телефонов, в восьмидесятые годы прошлого века тоже было не так чтобы много, особенно в сельской местности. С другой стороны, что такое для здорового молодого организма шесть километров в оба конца? Моцион. Аппетит только нагулять. Поэтому Санька почти не расстроился.

«Сейчас без десяти пять. Туда-обратно — час-полтора. О'кей, к ужину вернусь».

Через сорок минут Санька уже крутил головой, вышагивая по главной и единственной улице населенного пункта с названием Егнышевка. Смеркалось. Окна сельсовета, несмотря на сгущающиеся сумерки, были подозрительно темны.

«Странно, — подумал Санька. — Рабочий день у них закончился, что ли?»

Тем не менее он толкнул дверь. Та с легким скрипом отворилась, и за ней в полумраке помещения обнаружилась сидящая за столом мужская фигура в цигейке без рукавов, с коробком спичек в руке. Санька запоздало постучал по наличнику и вошел.

— Здравсьте! Позвонить можно? — с порога спросил он.

— Ни позвонить, ни даже чаю предложить вам не могу, молодой человек, — печально отвечивал незнакомец.

— Отчего так?

— Все как всегда в нашей дыре. — Говорящий, видимо председатель сельсовета, горестно махнул рукой. — Распределительный щиток сгорел, а там телефонный кабель, дери его, разъемы... Скачок напряжения утром — бац! Теперь вот сидим электрика ждем.

— И как долго продлится ожидание?

— Да электрик-то свой, местный...

Председатель чиркнул спичкой по коробку, и пламя осветило лицо мужчины средних лет с трехдневной щетиной и грустными глазами.

— Отлично. Тогда я тоже подожду, с вашего позволения.

Санька подвинул к себе стул и приготовился ждать.

— Даже два электрика у нас, — уточнил председатель, прикурив сигарету. — Семен Аркадьевич и Колька. Аркадьевич — тот ни-ни, не употребляет. Печень. Правда, он в отпуске недельном со вчерашнего дня. На Алтай уехал, к корням. Вот и получается, что с неделю теперь придется всухомятку жевать.

— Неделю? — привстал удивленный Санька. — А как же второй? Сами же сказали — Колька...

— Колька, Колька... Колька, подлец, в пике ушел. Как Аркадьевича проводил, так и ушел сразу. Напровожался, скотина.

— Может, его вывести попробовать?

— Не-е, он коль уж забухал, то забухал! Это как насморк. Если лечить, то через семь дней пройдет, а если так оставить, то через неделю. Одно радует, что по любому к субботе все починят. Либо один вернется, либо другой прочухается.

— Понятно, — сказал Санька, осознав, что в сельсовете ему ничего не светит, причем во всех смыслах этого слова. — А откуда еще можно у вас позвонить? Только чтобы не слишком далеко.

— Не слишком? — Председатель задумался и выпустил изо рта кольцо дыма. — Даже не знаю... Может, в Митино попробовать? Пять километров отсюда. Там у них МТС. А МТС — это связь все-таки.

Под МТС он, конечно, имел в виду не сотового оператора, которого тогда еще не существовало, а всего лишь машинно-тракторную станцию. На этих ремонтных предприятиях всегда стояли телефоны, чтобы можно было оперативно связаться с вышестоящим начальством, с потребителями и со смежниками.

— А ближайший автобус до Митино когда? — уточнил Санька на всякий случай.

— В четверг.

Когда Санька в мыле ворвался во двор МТС, было уже совсем темно. Пять километров трусцой сделали свое дело: под ложечкой тянуло, в висках стучало, а в горле пересохло. Проскользнув между двумя тракторами «Беларусь», он уперся в строительный вагончик, где светилось зарешеченное окно.

«Слава богу, хоть тут с электричеством все в порядке! — подумал Санька. — Есть надежда, что и телефон у них работает».

Внутри вагончика за столом сидел замшелый мужик без возраста, по всей видимости из сторожей. Рядом стояла открытая бутылка «Столичной» и металлическая кружка. Чуть поодаль на плитке урчал издававший виды чайник. Мужик сосредоточенно кромсал докторскую колбасу на разложенной перед ним газете и, судя по его светлой и кроткой улыбке, находился в предвкушении райского блаженства, готового снизойти на него вот-вот, уже в нынешнем веке.

— Мне бы позвонить как-нибудь, начальник! — с порога рявкнул Санька, впопыхах забыв поздороваться.

«Начальник» от неожиданности вздрогнул и чуть было не полоснул себя по пальцу.

— Твою ж... — ругнулся он, раздосадованный тем, что его вернули с небес на землю. — Позвонить не выйдет, пареньь.

— Почему?!

— Потому что. Телефон в кабинете у директора, а он полчаса как отбыл. С ключом в заднем кармане брюк. Не растается с ним никогда. Заначку он, что ли, от жены в кабинете прячет? Вот на что уж я сторож, и то, как видишь, связью не обеспечен. Обидно.

— Согласен, — участливо поддержал мужика Санька. — Даже ноль два не набрать, если вдруг бандиты нападут.

— Кто-кто?

— Если вдруг солярку шпана решит слить, говорю.

— Соля-а-арку? — приосанился сторож. — Хрен им! У меня на этот счет вот! — И он слегка дунул в свисток, висевший у него на шее.

— Да кто ж вас тут услышит-то?

— Кто надо, тот услышит, — обиделся мужик. — Через дорогу участковый живет.

— Вот как? А у него, значит, есть телефон! — воспрянул было Санька. Но сторож вверг его обратно в уныние:

— Не-е. Куда ему! Да и зачем мильтону телефон, когда с ним пистолет?

— Так где же мне все-таки позвонить можно? — Санька уже готов был расплакаться. — Мама ждет...

— Ну, если мама ждет, то делать нечего, надо звонить. Ты это... в Егнышевку попробуй. Там у нас сельсовет и вся инфраструктура. Цивилизация, ешкин кот.

— В цивилизации вашей электричество кончилось, — устало махнул рукой Санька.

— Вот как? Тогда в райцентр ступай. У них там телефоны вообще везде стоят. В милиции, в больнице... В бане даже свой есть!

— И где этот центр? Как всегда, у черта на куличиках?

— Почему у черта? Рядом совсем. Отсюда виден даже. — Сторож кивнул в сторону окна, подавая Саньке кружку, в которой, точно ряска, плавали черные чайники. — На, попей. Через речку он. Только тут, понимаешь, проблемка небольшая. Нынешним половодьем мост смыло к едреням. Так что тебе, пареньь, в обход придется пылить. Сперва, значит, до Егнышевки, там возле водонапорной башни направо — и еще километров восемь по прямой. Хотя если вдоль реки пойдешь, по грунтовке, то три срежешь... Только там уже не видно, поди, ни зги и развезло все под нашими тракторами. Уборочная все-таки.

— Погодите, а сколько времени сейчас?

— Восемь без четверти.

— Да ну?! Тогда что ж я с вами тут чай гоняю! Бежать, бежать надо. У мамы, наверное, уже валидол кончился.

Санька вскочил и, прежде чем рвануть к двери, выдул залпом содержимое кружки, из которой шел вкусный дымок.

Превозмогая порывы промозглого ветра и не обращая внимания на то, как за шиворот накрапывает мелкий сентябрьский дождь, Санька трусил вдоль реки, от которой исходили холод и отдающий гнилыми водорослями дух. Ко всему прочему, на местность уже опустилась осенняя колючая, непроницаемая ночь. Хорошо еще, что сердобольный сторож вручил Саньке в дорогу фонарик, который бил, правда, не дальше, чем на метр, но все-таки не давал марафонцу уйти с дистанции далеко в сторону.

Ноги давно промокли, впрочем, как и все остальное. Несколько раз Санька, поскользнувшись, падал навзничь в грязь.

«Вот бы остаться тут до утра, — в отчаянии мечтал он, лежа на спине и вглядываясь в укутанное тучами небо. — А утром поедут в поле трактора и, может быть, кто-нибудь меня подберет... Ну или хотя бы раздавит, чтоб я не мучился».

Однако святая цель каждый раз ставила Саньку на ноги, придавая ему сил. Он не мог, просто не имел права не добраться до телефона, отступить. Не было в их с мамой отношениях до сих пор такого прецедента, чтобы он не сумел вовремя доложиться, а тем более — забыть это сделать. Что, по большому счету, не совсем правильно. Лучше бы у него было как у нормальных людей. Вон, как у соседского Игорька, например. Тот, бывает, на неделю пропадет, и никто из родственников даже не чешется. Привыкли. Знают уже — либо в КПЗ загремело чадушко, либо у какой-нибудь из своих девиц зависло бухое, отмокает. А тут — даже подумать страшно, какой переполох начнется, если Санька не доберется до телефона!

— Ну давай уже шевели копытами, рохля! — ругал он себя.

После чего, закусив до крови губу, бросал свое измученное, сведенное судорогой тело в темень, навстречу колючим струям дождя.

— Врешь, не возьмешь! — приговаривал он, продираясь через заросли рогоза в указанном сторожем направлении.

Наконец, измочаленный, потерявший счет времени, не чувствуя под собой ног, Санька выбрел из какого-то гнилого болота в освещенные редкими фонарями пределы райцентра, где ему в глаза сразу же бросились подсвеченный красный крест и спасительная вывеска: «Районная клиническая больница № 1».

— Вот вас мне как раз и надо, — равнодушно констатировал свой выход на цель бедняга, ибо радоваться у него уже не оставалось сил.

Когда он вместе с клубом пара ввалился в приемный покой и почти без чувств упал на кушетку, часы на стене показывали — о ужас! — одиннадцать.

— Молодому человеку плохо! — всполошилась дежурная медсестра. — Врача сюда...

— Пить, — только и смог пролепетать Санька. — Не надо врача... Телефон... телефон дайте... скорее...

Дрожащими пальцами он с какого-то раза набрал номер и облегченно выдохнул, только когда услышал слабый, встревоженный женский голос:

— Почему так поздно, сынок? Что-то случилось?

— Нет... нет, все нормально, ма, — сдерживая рыдания, прохрипел Санька. — Обещал позвонить... Позвонил вот... Извини, что опоздал. Дел много.

— А почему тогда запыхавшийся такой? — не отпуская подозрений, допытывалась мать. — У тебя точно все нормально?

— Конечно, как же иначе... Просто это... дискотека у нас тут... Слышишь, гремит?

— Дискотека? Это очень хорошо, — успокоившись, зажурчала весенним ручьем мама. — А я, признаюсь, и не ждала от тебя сегодня звонка. Точнее, поначалу ждала немного, а потом перестала. Решила, что ты забыл, закрутился. Картошка печеная, гитара, впечатления... — мечтательно протянула она, вспомнив, видимо, свою студенческую молодость.

— А мне казалось, что ты переживаешь.

— Переживаю, конечно. Но, с другой стороны, ты же у нас взрослый парень, второкурсник... Если у тебя все, то я пойду, ладно? Там по телику «Семнадцать мгновений». Тихонов с этой... как ее... с радисткой в нейтральную Швейцарию едут. Давай, веселись дальше. Рада за тебя.

— Ага, иду веселиться, — сказал Санька и положил трубку.

«Вот так пробежался! Бешеной собаке семь верст не крюк, — подумал он, стряхивая с подбородка следы запекшейся слюны. — Да уж, веселье прямо-таки через край...»

Ему даже стало немного обидно. Он, как пес Барбос, выдал необычайный кросс километров эдак на двадцать пять, а дома — чаек-кофеек, Тихонов с радисточкой, томная нега. Ему же, Саньке, на минуточку, теперь обратно пилить в ночи. Еще пятнадцать кэмэ, не меньше. К подъему бы успеть. А там — едва отдышался и сразу же на галеры. Охренеть!

— В Мышенках, в лагере «Звездочка», токсический шок, — услышал он голос диспетчера в динамике на стене. — Двое с самогоном не считали. Дежурная бригада, на выезд!

— В «Звездочке»? Так это ж наши! — обрадовался Санька. — Мизерный, наверное, с Чертолясом дали жару. Больше вроде некому. Ну спасибо вам, братцы, выручили!..

Он на ватных ногах вышел во двор и направился к «уазику» с красным крестом, возле которого в ожидании фельдшера курили санитар и водитель.

— Мужики, можно я с вами в «Звездочку»? Там мои друзья умирают.

— Друзья — это святое, — медленно оглядев Саньку с ног до головы, сказал водитель, задержавшись сначала на двух огромных «копытах» грязи, застывших в тех местах, где должны были находиться Санькины ботинки, потом на его красном, запачканном глиной лице, на спутанных волосах с застрявшей в них соломой... — Садись в салон, что ли, чувак. Только газетку под себя подстелить не забудь.

Уже в машине, когда умиротворенного Саньку совсем развезло от тряски и сигаретного дыма, он вдруг задумался: как это информация о ЧП с отравлением так быстро до больницы добралась? С голубиной почтой, что ли, ее отправили? И тут его словно обухом по голове приложили.

— Да не... не может быть... Нет, ну разве не сволочь этот лагерный начальник?! Получается, у него на столе настоящий телефон стоял, никакой не муляж. Вот ведь скотина безрогая! Гад! Слов нет просто. Хотя-а-а... по-человечески его можно понять. Живет он себе спокойно, в тишине, цветочки разводит. И тут — здрасьте вам: «Позвонить бы!» Ведь стоит только студентам прознать, что у него телефон стоит, так целая рота оболтусов и будет все время обрывать междугородку. А он плати потом. В общем, ничего не скажешь — дальновидно...

Из состояния глубокой задумчивости Александра Николаевича вывел тяжкий вздох мобильного телефона. Стоило мужчине взглянуть на экран, как его лицо сделалось страдальческим.

— Так-так... От мамани третье сообщение с утра. Потерять меня успела уже. Господи, ведь написал же ей черным по белому, что весь день буду занят — командировка в Алексинский межрайонный суд! Ну да ладно. Потом перезвоню, после заседания. Точнее, вечером. Или даже лучше завтра. А сейчас посмотрим, что у нас там еще новенького...

Встрепенулся Гарик Харламов:

— Через двести метров поворот направо, а потом еще направо, а потом три километра прямо до населенного пункта Егнышевка...

— Егнышевка, говоришь? Ба, какие знакомые места! Притормозить, что ли?

Возле указателя «Егнышевка — лагерь “Звездочка”» Александр Николаевич остановил свой БМВ и, нащупав в бардачке пачку «Парламента», вышел из машины размяться. Он с удовольствием закурил, после чего, осмотревшись по сторонам, покачал начинающей сесть головой.

Как будто и не было этих тридцати с лишним лет. Та же покосившаяся водонапорная башня на развилке, та же испещренная колеями грунтовая дорога вдоль реки. Остатки моста вон чернеют вдалеке, половина коровника зияет пустыми глазницами окон. Ничего не изменилось с тех пор, и ничего не добавилось в пейзаж. Ни-че-го. За исключением разве что вышки сотовой связи...